

UNITED WISDOM

Майстер Экхарт: отрешённость и язык мистического опыта

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-24-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Майстер Экхарт: отрешённость и язык мистического опыта

> *«По благодати стать тем, что Бог есть по природе».*

Майстер Экхарт, «Об отрешённости», начальный абзац, английский перевод Luke Dysinger по указанной на странице редакции. Русский перевод цитат в статье — авторов с указанного английского текста.

О чём эта статья

Фраза средневекового проповедника, вырезанная из страницы, легко становится сегодняшним советом: отпусти всё, откажись от себя, перестань хотеть. Но стоит открыть страницу целиком, и рядом оказываются Троица, рождение Слова, благодать, разум и отношения Творца с творением. Удалив эти слова, мы получим привычный текст. Будет ли он ещё текстом Экхарта?

Рассмотрим его как христианского мыслителя, который доводит философские и духовные вопросы до неудобной остроты. Что отрешённость меняет в отношении к благу? Как понимать рождение Бога в душе и отказ от Бога ради Бога? Почему неприсвоение результата может сопровождаться деятельной жизнью? Для ответа важны жанр проповеди, передача рукописей и конкретный перевод. Отдельно разберём точный объём осуждения положений и границу между богословским понятием, переживанием и психологическим описанием. Сравнение с Дионисием, стоицизмом и индийскими текстами сохранит различия целей. Практическая часть предлагает внимательное чтение и проверку собственного притязания, сохраняя живые чувства и ответственность.

I. Проповедник с философским образованием

Экхарт жил на рубеже XIII–XIV веков, принадлежал доминиканскому ордену, преподавал и проповедовал. Он писал по-латыни и на немецком языке. В его мысли соединяются схоластические вопросы, библейское толкование и наследие Августина и Дионисия; поэтому выбор между «рациональным философом» и «мистиком» обедняет предмет. Академическая статья Эмбер Гриффиун рассматривает его философию в связи с этими формами интеллектуальной и религиозной работы. Stanford Encyclopedia of Philosophy.

Это обстоятельство меняет способ чтения. Проповедь обращается к слушателю, побуждает его увидеть привычную мысль иначе, пользуется образами и неожиданными поворотами. Философский комментарий может уточнять понятия, которые проповедь

использует с большой свободой. Нельзя требовать от всех текстов одного стиля; нельзя и заключать, что образный текст освобождён от содержательных утверждений. Образ способен выражать вполне определённую мысль, требующую понимания и оценки.

Слова о душе и Боге у Экхарта не являются всего лишь обозначениями настроения. Они относятся к вопросам бытия, познания, творения и участия человека в божественной жизни. Если заменить Бога «внутренним ресурсом», а душу — «самооценкой», получится другая система. Такой современный опыт переосмысления возможен, но его следует назвать переосмыслением. Историческое понимание начинается с признания, что автор мог задавать не те вопросы, которые волнуют нас сегодня.

Именно эта дистанция делает чтение плодотворным. Мы встречаем мысль, которую нельзя сразу включить в привычный набор советов. Она предлагает проверить не только отдельную привычку, но и само желание владеть благом, знанием или религиозным результатом. Чтобы услышать этот вопрос, полезно на время отложить ожидание быстрого упражнения. Сначала стоит понять, что мыслитель считает целью человеческой жизни и почему выбирает столь резкие выражения.

II. Перед нами тексты, прошедшие историю передачи

Современный читатель обычно встречает Экхарта в переводе и подборке. Порядок проповедей, названия, пояснения и даже нумерация зависят от издания. Нужно различать слова автора, работу средневекового составителя и решение современного переводчика. Надёжная ссылка указывает на определённый текст и издание; подпись «Экхарт» под красивой фразой ещё не устанавливает её происхождение.

Конкретный пример даёт проповедь о пришествии Господа в Stanford Global Medieval Sourcebook. Она опубликована на основе средневековой коллекции Paradisus anime intelligentis. Составитель коллекции неизвестен; исследователи отмечают сокращения и изменения некоторых проповедей. Следовательно, перед нами свидетельство раннего чтения и передачи Экхарта, требующее внимания к редакционной истории. Введение к проповеди.

Это не повод считать всё наследие недостоверным. Скорее, нужно отказаться от слишком простой картины: автор сказал, стенографист записал, мы получили точные слова. В рукописной культуре путь текста сложнее. Знание этого пути помогает соразмерить вывод. Одна проповедь может надёжно показать, как в определённой традиции выражалась тема рождения Слова; она не обязана сама по себе доказывать окончательный смысл каждого положения во всём корпусе.

Перевод добавляет ещё один уровень. Русская «отрешённость» может звучать как холодность, а английское detachment — как эмоциональная дистанция. Немецкие слова,

которые переводят через освобождение, оставление и отрешённость, работают внутри богословского рассуждения. Иногда один перевод сохраняет буквальную резкость, другой делает её более понятной, третий слишком быстро превращает в психологическую формулу. Поэтому трудное место полезно сопоставить с контекстом и комментарием, вместо того чтобы доверять одной удачной фразе.

На практике это означает простую вещь: читать несколько соседних абзацев. Если на одном говорят об освобождении от образов, а на следующем — о Слове и благодати, переход составляет часть смысла. Удаление второй части меняет первую. Отрывок начинает отвечать на вопрос о снижении внутреннего напряжения, хотя первоначально он мог отвечать на вопрос об отношении человека к Богу. Удобство цитаты не является критерием точности.

III. Отрешённость: перестать делать всё своим

В трактате «Об отрешённости» вопрос поставлен как поиск добродетели, наиболее близко соединяющей человека с Богом. Уже начало различает то, чем человек может стать по благодати, и то, чем Бог является по природе. Затем автор отдаёт отрешённости первенство и описывает её как свободу от притязания быть этим или тем. Это богословская постановка, а не определение эмоционального оцепенения. Трактат, начало и рассуждение о смирении.

Для понимания можно поставить собственный вопрос: что делает притязание «моё» с нашим отношением к благу? Я помог человеку — и теперь считаю его благодарность своей собственностью. Я изучил трудный текст — и считаю, что приобрёл исключительное право говорить. Я молился — и жду гарантированного внутреннего результата. Во всех случаях действие соединяется с требованием получить подтверждение себя. Это современная иллюстрация, а не восстановленная бытовая ситуация из жизни автора.

Освобождение от такого требования не обязательно означает отказ от действия. Можно продолжать помогать, изучать и молиться, пересматривая отношение к результату. Различие тонкое: человек перестаёт использовать благо исключительно для укрепления своего образа. Однако это не превращает любое отсутствие желания в добродетель. Нежелание действовать может иметь разные причины; его нельзя автоматически назвать отрешённостью только потому, что оно внешне похоже на отказ от притязания.

Важна и граница между неприсвоением и отказом от ответственности. Если я не считаю чужую благодарность своим имуществом, это не отменяет моего обязательства выполнить обещанное. Если я не стремлюсь доказать собственную духовную исключительность, это не отменяет необходимости исправить ошибку. Притязание на

обладание и обязанность отвечать за действие — разные вещи. Современное применение, которое стирает эту разницу, делает историческую мысль удобным оправданием бездействия.

Поэтому отрешённость нельзя оценить только по внешней сдержанности. Человек может спокойно говорить и упорно требовать, чтобы всё происходило по его плану. Другой может выражать сильные чувства и при этом не пытаться подчинить окружающих своей воле. Для читателя важнее содержание отношения, чем образ «невозмутимого мистика». Вопрос о присвоении глубже вопроса о том, насколько тихо человек выглядит.

IV. Рождение Бога в душе: о чём говорит образ

В проповеди о пришествии Господа Экхарт связывает христианскую жизнь с рождением Бога в душе и души в Боге. Он поясняет внутреннее слово через отличие от уже высказанного и обращается к разуму как месту этого рождения. Рассуждение относится к Слову, благодати и вечности, а не к появлению новой независимой божественной сущности внутри человека. Проповедь о пришествии Господа.

Образ рождения позволяет говорить о близости, которая не сводится к внешнему наблюдению. Узнать о Боге из текста и описывать участие в божественной жизни — разные задачи. При этом близость сама по себе ещё не устанавливает тождество во всех отношениях. Нужны уточнения: кто рождается, в каком смысле, чем является душа и какова роль благодати? Без этих вопросов образ легко превращается либо в декоративную метафору, либо в утверждение, что обычный человек по своей природе является Богом.

Указание на разум тоже не следует принимать за современную инструкцию «всё понять головой». В философском языке обсуждается способность воспринимать истину и отношение внутреннего слова к выраженной речи. Это отличается от накопления информации или быстрого анализа. Мы можем знать много сведений об авторе и оставаться нечуткими к вопросу, который он ставит. Интеллектуальное измерение созерцания не отменяет труда понимания, но меняет его направленность.

Образ вечности требует такой же осторожности. Слова о выходе из времени не дают основания забыть назначенную встречу или считать события прошлого несуществующими. Здесь обсуждается отношение божественного и человеческого, а не отмена календаря. Перенос в повседневную жизнь может помочь заметить, как нас удерживает ожидание результата. Но такое применение остаётся ограниченной аналогией; оно не воспроизводит полностью средневековую теорию времени и вечности.

Чтение становится содержательнее, если дать образу работать и одновременно не поручать ему лишнего. Он может открывать вопрос об участии и внутреннем понимании. Он не обязан служить доказательством определённого нейрофизиологического состояния или универсального опыта всех религий. Сходные описания близости и единства встречаются в разных традициях; сходство слов ещё не решает вопрос о том, что каждая из них считает действительным. В выбранной проповеди встречаются и очень резкие формулы идентичности души Богу. Указание на благодать помогает восстановить контекст, но не снимает всех философских и доктринальных вопросов. Нельзя заранее превратить каждую такую формулу в бесспорное утверждение о подобии: для её оценки нужны соседний аргумент, редакция текста и история спора.

V. Парадокс: отказаться от Бога ради Бога

В проповеди «Истинное слышание», опубликованной в старом переводе Клода Филда, отказ от Бога ради Бога поясняется как отказ от ожидаемых благ, а не исчезновение Бога. Там же любовь к себе связана с любовью к другим людям. Контекст меняет звучание краткой фразы, которая без пояснения могла бы показаться призывом оставить христианскую веру. Проповедь IV.

Здесь можно различить предмет обращения и то, чего мы от него ожидаем. Человек может говорить, что ищет Бога, и одновременно искать гарантированное утешение, признание своей правоты или особенный опыт. Отказ от последнего не обязательно означает отказ от первого. Такая логика объясняет силу парадокса: одинаковое слово в двух частях фразы может относиться к разным сторонам отношения. Если не выяснить это, парадокс превращается в бессмыслицу или эффектную провокацию.

Однако историческая точность не требует заранее обезвредить всякую резкость. Некоторые формулы Экхарта действительно создают трудности для богословского объяснения; именно поэтому его исследуют и обсуждают. Нельзя сказать, что он всегда имел в виду обычную мысль, лишь выраженную необычным способом. Иногда необычный способ выражения меняет сам вопрос и выводит на спорную границу. Внимательное чтение признаёт это вместо поспешной защиты или обвинения.

Парадокс не является также способом доказать что угодно. Если из фразы выводят разрешение на причинение вреда, этот вывод надо отдельно обосновать; литературная сила исходной формулы его не подтверждает. Если фразу применяют как приказ человеку отказаться от своего мнения, нужно выяснить, какое полномочие имеет говорящий и какое именно мнение предлагается оставить. Духовная глубина текста не переходит автоматически к человеку, который цитирует его.

Хорошая работа с парадоксом поэтому включает паузу. Какие значения столкнулись? Какое привычное отношение автор пытается пересмотреть? Что остаётся после отрицания? Если ответом становится только «ничего не понимать», мы, вероятно, слишком быстро закрыли вопрос. Необычная речь может требовать более точного понимания, а не его отмены. У Экхарта богословские слова остаются частью этого требования.

VI. Созерцание и действие: свобода от сделки

Отрешённость часто представляют как достижение покоя, после которого человек перестаёт участвовать в обычной жизни. В академическом разборе Гриффиун, напротив, показана связь внутреннего освобождения с добродетельным действием. Разбор проповеди о Марии и Марфе подчёркивает возможность деятельности, которой не мешает внутренняя привязанность. Это не схема, где занятость автоматически ниже созерцания. SEP, раздел 9.3.

Для современного читателя полезен вопрос о действии без скрытой сделки. Иногда мы делаем нужное и одновременно ведём внутренний расчёт: сколько уважения получим, насколько убедительно проявится наша доброта, как действие повлияет на образ себя. Отсутствие такого расчёта не уничтожает смысл поступка. Забота о человеке может быть значимой благодаря его нужде, а не благодаря будущему свидетельству о моей исключительности.

Это не равнозначно отказу от планирования. Чтобы приготовить еду, нужно учитывать время; чтобы помочь с поездкой, нужно знать маршрут; чтобы выполнить обещание, нужна последовательность действий. Средства и цели практического дела остаются необходимыми. Другой вопрос — превращаю ли я человека в средство подтверждения собственной ценности? Различение этих уровней сохраняет возможность разумного действия без духовной торговли.

Есть и граница между скрытой сделкой и открытой договорённостью. В условном примере человек согласился помочь с поездкой при условии, что другой участник оплатит заранее оговорённые расходы. Напомнить об этом условии не значит обязательно потребовать поклонения своей доброте. Без оплаты участие может стать невозможным. Напротив, человек, не назвавший никаких условий, способен позднее потребовать признания как платы: теперь все должны соглашаться с ним, потому что он помог. Внешне бескорыстный жест оказывается способом расширить власть.

Такое различение не является решением за Экхарта или мерой чужой духовной зрелости. Оно уточняет предел нашего применения: отказ от присвоения не требует скрывать действительные условия участия. Можно говорить о времени, расходах и

пределах помощи, не превращая их в доказательство собственного превосходства. И можно отказаться от обещанной похвалы, продолжая требовать выполнения ясной договорённости. Тогда свобода от внутреннего расчёта не подменяется обязанностью бесконечно отдавать без возможности назвать, что действительно доступно. Содержание требования приходится исследовать, а не оценивать по одному факту, что человек чего-то ожидает.

Не следует смешивать неприсвоение результата и отказ от оценки последствий. Если помощь оказалась бесполезной, полезно это понять и изменить способ действия. Если обещание нарушено, полезно признать факт. Утверждение «я действовал без ожидания награды» не доказывает качества работы и не освобождает от ответа. Внутренний мотив и внешние последствия связаны, но один не заменяет другого.

Наконец, не всякое самостоятельное удовольствие от деятельности является пороком. Увлечённое чтение или радость общения не становятся автоматически препятствием оттого, что дают удовольствие. Вопрос о привязанности возникает там, где человек уже не способен увидеть реальность за своим требованием. Современная аналогия с неприсвоением помогает это заметить, но не позволяет нам произнести окончательный приговор о степени чьей-либо духовной зрелости.

VII. Осуждение положений: точность вместо легенды

Процесс против Экхарта начался при его жизни, а булла Иоанна XXII In agro dominico вышла 27 марта 1329 года после его смерти. Семнадцать положений были осуждены как еретические, одиннадцать — как дерзкие и подозрительные в ереси; для второй группы документ допускал правильный смысл при дополнительных объяснениях. Эти группы нельзя объединить в одинаковый приговор. При этом Экхарт лично не был объявлен еретиком. Булла сообщала о его отречении от ошибочного смысла соответствующих утверждений; эта оговорка имеет значение. Эван Кинг, исследование с выдержками из документа.

Для исторического понимания нужно удержать обе стороны. Осуждение было реальным церковным действием, имевшим последствия для чтения и распространения текстов. Его нельзя отменить фразой о том, что автора «просто неправильно поняли». Но осуждение извлечённых положений не является основанием приписать одинаковый статус каждому тексту, каждой проповеди и всякому последующему толкованию. Объём документа и объём наследия различаются.

Так же осторожно следует обращаться с утверждением об отречении. Оно не позволяет автоматически сказать, что Экхарт признал бессмысленной всю свою работу или отказался от христианской веры. Нужен вопрос о смысле конкретных формул и о

пределах исправления. Это типичная трудность истории богословия: одно выражение может обсуждаться как буквальное утверждение, как часть аргумента и как фраза, доступная неодинаковому пониманию слушателей.

Для сегодняшнего читателя здесь возникает вопрос о публичной речи. Если сложная формула допускает опасное прочтение, достаточно ли внутреннего намерения автора? Как соотносятся точность, выразительность и ответственность за понимание? История Экхарта не даёт простого ответа для всех случаев. Она показывает, что различие между мыслью, её формулировкой и её восприятием может иметь реальные последствия. Изучать это различие полезнее, чем заранее назначать одну сторону хранителем истины, а другую — преследователем.

Мы можем поэтому читать Экхарта с интересом, не объявляя все его формулы бесспорными. Можем учитывать осуждение, не сводя мыслителя к судебной истории. Историческая точность оставляет пространство и для исследования аргументов, и для богословской оценки. Она не требует ни культа непонятого гения, ни отказа открывать страницы автора, вокруг которого существовал серьёзный спор.

VIII. Почему отрешённость не является диагнозом

Слово «отстранённость» в сегодняшнем разговоре может означать многое: дистанцию в отношениях, усталость, сосредоточенность, безразличие. «Диссоциация» принадлежит другому языку описания, чем средневековое рассуждение о душе, добродетели и благодати. Нельзя установить их тождество по сходству внешних слов. Богословский текст не является медицинским описанием, а переживание читателя не подтверждает автоматически его богословскую интерпретацию.

Точно так же нельзя из исторического текста вывести терапевтическую рекомендацию перестать чувствовать. Отрешённость у Экхарта обсуждается в отношении к Богу; наша способность слышать человека, замечать его потребности и отвечать за поступок остаётся конкретной задачей. Если современное упражнение делает целью эмоциональную нечувствительность, его надо оценивать на собственных основаниях. Подпись средневекового автора не превращает его в доказанный способ помощи.

Есть и риск обратной подмены: объявить всю мистическую речь скрытым описанием нарушения. Такое объяснение лишает автора возможности действительно мыслить о Боге и превращает историю философии в набор неподтверждённых заключений о чужом состоянии. Мы располагаем текстами, жанрами и историческими обстоятельствами. Этого достаточно для содержательного исследования; этого недостаточно для уверенного ретроспективного диагноза.

Личное применение допустимо при сохранении масштаба. Человек может заметить, что ждёт благодарности, или исследовать, насколько его желание помогать связано с контролем. Это вопросы к собственной жизни. Они не означают, что удалось воспроизвести мистический опыт Экхарта, и не дают права измерять духовность другого человека. Скромность вывода делает применение точнее, не лишая его значения.

Наконец, человеку не требуется добиваться особенного состояния, чтобы прочитать текст внимательно. Можно оставаться в обычном бодрствовании, задавать вопросы, испытывать несогласие и узнавать новое. Историческая мысль не требует от читателя доказательства собственной пригодности через переживание пустоты. Её трудность состоит прежде всего в понимании понятий и связей, которые мы не всегда привыкли удерживать вместе.

Полезно различить также переживание, его истолкование и вывод о мире. Человек может рассказать о необычной ясности или глубокой тишине. Затем он может объяснить это религиозным языком. Наконец, он может утверждать, что переживание доказывает определённое устройство реальности. Эти три шага не совпадают. Уважительное слушание рассказа не обязывает принять все последующие выводы; критическое обсуждение выводов не даёт права объявить рассказ выдумкой.

Исторический текст тоже не предоставляет готовой шкалы для такой проверки. Мы читаем оформленную речь, обращённую к слушателям, а не непосредственный доступ к сознанию автора. Из её выразительности нельзя измерить силу переживания. Из её философской сложности нельзя установить, насколько точно она передаёт личный опыт. Зато можно исследовать значение слов, связи аргумента и основания утверждений. Это самостоятельная работа, которой не нужно выдавать себя за чтение чужого внутреннего состояния.

IX. Освобождение, которое сохраняет отношение

Экхарт не становится понятнее, если заранее превратить его в наставника спокойствия или в автора неприемлемых крайностей. Его тексты соединяют философскую работу, христианское исповедание и резкую проповедническую речь. Отрешённость, рождение Слова и неприсвоение требуют чтения внутри этих связей. Их сила заключается в возможности поставить под вопрос то, что человек делает своим окончательным основанием.

История осуждения напоминает о точности: отдельное положение, его предполагаемый смысл, восприятие слушателя и личный статус автора — разные вещи. Современное применение требует такой же точности: богословское понятие не является диагнозом, личное размышление не воспроизводит автоматически средневековый опыт, отказ от

притязания не освобождает от действия. Эти различия позволяют приблизиться к тексту, сохраняя самостоятельность читателя.

В итоге полезный вопрос звучит скромнее, чем обещание полного внутреннего освобождения: способен ли я увидеть благо, человека или истину без немедленного требования, чтобы они подтвердили мою исключительность? Этот вопрос можно оставить рядом с обычными обязанностями и живыми чувствами. Он не даёт готового ответа за Экхарта. Он помогает начать внимательный разговор с его мыслью и понять, где заканчивается исторический текст и начинается наша собственная ответственность.

Что это значит на практике

Начните с одного короткого фрагмента и сохраните несколько соседних абзацев. Отметьте слова «Бог», «Слово», «душа», «благодать» и «разум». Затем спросите, что потеряется, если заменить их более привычными психологическими обозначениями. Такая проверка помогает увидеть границу между пониманием автора и собственным переосмыслением. Оба действия могут быть полезны, если не выдавать одно за другое.

Если привлекла фраза об отрешённости, разберите её предмет. От чего именно предлагается освободиться: от заботы о другом, от желания управлять его ответом, от ожидания духовной награды, от определённого образа Бога? Эти варианты дают совершенно разные последствия. Пока предмет не определён, «отпусти всё» остаётся слишком общим выражением, чтобы вести по нему реальную жизнь.

Можно рассмотреть одно своё действие без попытки оценить всю личность. Например, вы предложили помощь. Какую помощь действительно просили? Каких условий вы ожидаете в ответ? Если благодарности не будет, изменится ли ваше представление о нужде другого человека? Ответы не нужно немедленно исправлять. Сначала полезно заметить различие между действительным обстоятельством и собственным требованием к нему. Это ограниченное упражнение в размышлении, а не обещание мистического результата.

После этого вернитесь к ответственности. Что вы обещали и что можете выполнить? Какие последствия следует проверить? Нужно ли спросить человека, подходит ли ему помощь? Такое возвращение не отменяет вопроса о неприсвоении. Оно помогает избежать ложного вывода, что работа над внутренним отношением позволяет не заниматься внешним делом. Чтение и действие могут прояснять друг друга.

Если встречаете парадокс, не спешите сделать его правилом. Перескажите обычным языком хотя бы два возможных значения и проверьте, какое подтверждается контекстом. Когда уверенности нет, сохраните вопрос открытым. Не всякую сложную

формулу необходимо применить сегодня. Иногда самым точным результатом чтения будет понимание того, какую мысль ещё предстоит изучить.

И отдельно следите за источником цитаты. Указание на проповедь, переводчика и издание полезнее красивой карточки с фамилией. Если происхождение неизвестно, не распространяйте фразу как надёжно установленную. Особенно осторожно стоит обращаться с высказываниями, предлагающими человеку отказаться от чувств, воли или ответственности: здесь потеря контекста меняет не только смысл, но и возможный способ действия.

Ключевая цитата

> *«Чтобы Бог родился в душе».*

Майстер Экхарт, проповедь о пришествии Господа, начальные абзацы о цели Писания и творения, английский перевод команды Global Medieval Sourcebook; русский перевод авторов статьи. Это короткий фрагмент цели, названной в проповеди. Его не следует превращать в обещание нового природного божества внутри человека; рукописная передача и резкость дальнейших формул требуют самостоятельного чтения.

Связи между традициями

Ниже — наши аналитические сопоставления. Они показывают сходство вопроса и границу ответа; сами по себе не устанавливают исторического влияния.

Вопрос	Позиции и опоры	Реальное сходство	Граница сравнения
Отказ и богословский контекст	Экхарт, Истинное слышание, IV и Дионисий, I.1–2	Отрицательное движение остаётся внутри обращения к Богу.	Отказ от ожидаемых благ у Экхарта и ограничение категорий у Дионисия имеют разные непосредственные предметы; это не две инструкции перестать верить.
Участие и природа	Экхарт, Об отрешённости, начало и Афанасий, 54.3	Сильная речь о приобщении человека к Богу требует различения способов отношения.	Проповедь и трактат Экхарта не простое повторение Афанасия; сходство не делает все спорные формулы Экхарта заведомо бесспорными.

Вопрос	Позиции и опоры	Реальное сходство	Граница сравнения
Отрешённость и собственное действие	Экхарт, действие: SEP §9.3 и Эпиктет, §1	Ослабление притязания на внешний результат может сохранять действие.	Божественное рождение и стоическое отношение к собственному суждению принадлежат разным учениям; обзор Экхарта не первичный текст Эпиктета.
Действие без присвоения плода	Экхарт, Истинное слышание, IV и Гита, II.47–48; III.4–9	Нежелание сделать благо своей выгодой не требует прекратить все дела.	Ожидаемые религиозные блага у Экхарта и плод действия в карма-йоге не тождественны; контекст долга и освобождения различается.
Образы и предел определения	Экхарт, отрешённость и Брихадараньяка, II.3.6	Наше сравнение замечает, как привязанность к образу может препятствовать дальнейшему пониманию.	Отказ от присвоения и отрицательное наставление о Брахмане не одинаковый аргумент. Природное тождество традиций или историческая зависимость отсюда не выводятся.

Первоисточники

1. Amber L. Griffioen. Meister Eckhart — Stanford Encyclopedia of Philosophy. Академическая статья 2023 года; исторический контекст и раздел 9 о мистагогии и действии.

2. Майстер Экхарт. Sermon on the Coming of the Lord — Global Medieval Sourcebook. Средневерхненемецкий текст, современный английский перевод и введение к передаче в Paradisus anime intelligentis.

3. Майстер Экхарт. Трактат «Об отрешённости». Немецкий текст по изданию Josef Quint; английский перевод Luke Dysinger с использованием старых переводов.

4. Майстер Экхарт. Проповеди, перевод Claud Field, 1909. Использована проповедь IV, «True Hearing»; устаревшие суждения предисловия не приняты как историческая основа.

5. Evan King. Unum necessarium: Meister Eckhart, the Ground and Theology in the Vernacular. Dionysius, XXXV, 2017, 173–196; историческое введение и выдержки из In agro dominico.

• Псевдо-Дионисий. «Мистическое богословие», I.1–2, перевод John Parker: Христианский контекст апофатической речи.

• Афанасий Александрийский. «О воплощении Слова», §§1–4 и 54.3, старый английский перевод NPNF: Воплощение и обожение; различение события во Христе и участия человека.

• Эпиктет. «Энхиридион», §§1, 5, перевод Elizabeth Carter: Собственное действие и суждение в отличие от внешних обстоятельств (§§1, 5); сопоставление оснований ответственности, без отождествления стоической и христианской цели.

• «Бхагавадгита», главы II–III, перевод Edwin Arnold, The Song Celestial, издание 1900: Действие без присвоения плода (II.47–48; III.4–9): сопоставление с отрешённостью; карма-йога не отождествляется с христианским учением Экхарта.

• «Брихадараньяка-упанишада», II.3.1–6, перевод F. Max Müller, SBE XV: Отрицательное наставление в собственной речи о Брахмане; не доказательство тождества с христианством.

Теги

Майстер Экхарт, отрешённость, Abgeschiedenheit, христианская мистика, доминиканцы, схоластика, богословие, философия, проповедь, рукописная передача, перевод, Слово, рождение Бога в душе, благодать, природа, разум, вечность, парадокс, неприсвоение, созерцание, действие, Мария и Марфа, In agro dominico, осуждение положений, Иоанн XXII, переживание, интерпретация, ответственность, стоицизм, карма-йога

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.